

Доктрина добросовестного и разумного поведения участников предпринимательской деятельности

И. И. Шувалов

кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ».
Адрес: Государственная корпорации развития «ВЭБ.РФ»,
Москва, 107078, проспект Академика Сахарова, д. 9.
E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

The Doctrine of Conscientious and Reasonable Behavior of Business Participants

I. I. Shuvalov

PhD in Law, Chairman of the State Development Corporation «VEB.RF».
Address: The State Development Corporation «VEB.RF», 9 Academician Sakharov Avenue,
Moscow, 107078, Russian Federation.
E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Аннотация

Статья посвящена общим вопросам, связанным с принципами добросовестности и разумности в контексте предпринимательских отношений. В частности, исследуя эти понятия, автор приходит к выводу о том, что рассматриваемые правовые категории оставляют довольно широкие возможности для их субъективного толкования и судебного усмотрения, что обусловлено отсутствием их законодательного содержания. В статье поднимается также вопрос о квалификации действий хозяйствующего субъекта, которые осуществляются в рамках норм закона, но нарушают этические нормы, в том числе принцип добросовестного поведения субъектов бизнеса. Учитывая оценочный характер категорий добросовестности и разумности и неоднозначное понимание их содержания, автор обращается к судебной практике, в том числе анализу основополагающих разъяснений высших судебных органов. Особое внимание в статье уделено соотношению реализации принципов добросовестного и разумного поведения участников гражданских, а также корпоративных правоотношений, с предпринимательским риском. На основе успешного зарубежного опыта сформулирован вывод о том, что отечественный правоприменитель при применении норм о принципах добросовестности и разумности при принятии решений должен исходить из фактических возможностей среднестатистического предпринимателя без предъявления к нему каких-либо дополнительных требований в целях соответствия стандарту поведения. При этом говорить о недобросовестном или неразумном поведении возможно только при явном пренебрежении лицом своих обязанностей. В итоге автор приходит к выводу о том, что синергетический характер категорий добросовестности и разумности обуславливает специфику его реализации в предпринимательских (корпоративных) отношениях. Рисковый характер предпринимательской деятельности предполагает определенный прагматизм в содержании принципов добросовестного и разумного поведения, что исключает их наполнение общечеловеческими ценностями. В противном случае это может привести к сдерживанию деловой активности.

Ключевые слова: корпоративные отношения, ответственность, недобросовестная конкуренция, злоупотребление правом.

Abstract

The article is devoted to general issues related to the principles of good faith and reasonableness in business relations. In particular, the author examines their concepts and comes to the conclusion that mentioned legal categories leave quite wide opportunities for their subjective interpretation and judicial discretion, which is also due to the lack of their legislative content. The article also raises the question of the qualification of the economic entity actions that are carried out within the framework of the law, but violate ethical norms, including the principle of conscientious behavior of business entities. Taking into account the evaluative nature of the categories of good faith and reasonableness and the ambiguous understanding of the content, the author turns to judicial practice,

including the analysis of the fundamental explanations of the highest judicial bodies. Special attention is paid to the correlation of the implementation of the principles of conscientious and reasonable behavior of participants in civil, including corporate legal relations, with entrepreneurial risk. On the basis of successful foreign experience, the conclusion is formulated that the domestic law enforcement officer, when applying the norms on the principles of good faith and reasonableness in making decisions, should proceed from the actual capabilities of the average entrepreneur, without presenting any additional requirements to him in order to comply with the standard of behavior. At the same time, it is possible to talk about unfair or unreasonable behavior only if the person clearly neglects his duties. As a result, the author comes to the conclusion that the synergetic nature of the categories of good faith and reasonableness determines the specifics of its implementation in entrepreneurial (including corporate) relations. The risky nature of entrepreneurial activity implies certain pragmatism in the content of the principles of conscientious and reasonable behavior, which excludes their filling with universal values. Otherwise, this may lead to a curbing of business activity.

Keywords: corporate relations, responsibility, unfair competition, abuse of law.

Как отмечено в юридической доктрине, «право в поисках упорядоченности в силу своего регулятивного характера вынуждено вторгаться в область морали и использовать ее ресурсы» [14. – С. 5].

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, стимулирование участников предпринимательских отношений к добросовестному, законопослушному поведению, которое не позволяет субъекту посредством неправомерных действий, методов и средств получать собственные преимущества, представляет собой одну из публично-правовых целей и является составляющей залога успешного развития рынка и здоровой конкуренции¹.

Еще до принятия новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации² (ГК РФ) отечественная наука доказывала необходимость фиксации в кодифицированном акте принципа добросовестности [10. – С. 15–21]. В 2012 г. статья 1 ГК РФ была дополнена пунктом 3, согласно которому при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В связи с этим следует отметить позицию судов, которые дали следующие характеристики данной нормы: действующие нормы отечественного гражданского законодательства реализацию положений о защите гражданских прав обуславливают осуществлением этих прав с позиции их разумности и добросовестности. При этом поведение субъектов предпринимательской деятельности подчинено данному принципу, который закреплен в статьях 6 и 10 ГК РФ [8. – С. 60–62].

В рамках осуществления предпринимательской деятельности нормы о добросовестном и разумном поведении имеют особое значение. Так, признание конкурентных действий противоречащими требованиям добросовестности и разумности, безусловно, наделяет потерпевшую сторону дополнительными возможностями защитить себя от различных форм недобросовестной конкуренции.

Практическое значение имеет решение вопроса о квалификации действий хозяйствующего субъекта, которые осуществляются в рамках норм закона, но нарушают этические нормы, в том числе принцип добросовестного поведения субъектов бизнеса. При признании таких действий недобросовестными приоритет отдается этическим нормам, что недопустимо. Если же руководствоваться строго буквой закона, возникают сомнения в целесообразности внесенных в гражданское законодательство нововведений о добросовестном и разумном поведении участников предпринимательской деятельности.

В рамках анализа соответствующих требований в отношении недобросовестной конкуренции В. А. Дозорцев полагал, что недобросовестную конкуренцию в первую очередь составляют действия, совершаемые в нарушение обычаев делового оборота, требований добрых нравов, разумности и справедливости [5. – С. 33]. Столь однозначный вывод вызывает определенные сомнения. Считаем, что в первую очередь следует квалифицировать в качестве недобросовестной конкуренции действия, нарушение нормы закона, а применение норм гражданского законодатель-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 26 февраля 2020 г. по делу № 305-ЭС19-26346, А40-14914/2018. – URL: КонсультантПлюс.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

ства, исходящего из предпосылки о добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий, имеют второстепенное значение с позиции их применения. Если та или иная ситуация прямо не урегулирована законом, должны подлежать применению нормы о разумном и добросовестном поведении, нарушение которых позволит признать действия хозяйствующего субъекта как злоупотребление правом.

Более того, следует поддержать отечественного законодателя не только в решении закрепить нормы о разумном добросовестном поведении участников гражданского оборота в ГК РФ, но и установить презумпцию добросовестности, что можно рассматривать как один из элементов формирования доверия и стабильности в предпринимательских отношениях. Как справедливо отметил в этой связи Конституционный Суд Российской Федерации, доверие со стороны субъектов правоотношений к закону и непосредственным действиям государственной власти может поддерживаться исключительно посредством обеспечения разумной стабильности правового регулирования тех или иных общественных отношений, а также посредством недопустимости внесения произвольных изменений в действующую систему норм¹.

Вместе с тем рассматриваемые правовые категории оставляют довольно широкие возможности для их субъективного толкования и судебного усмотрения, что в том числе обусловлено отсутствием их законодательного содержания. Неудивительно, что в правовой доктрине добросовестность как один из принципов гражданского права в контексте правоприменительной практики назвали «абстрактно понимаемым явлением» [9. – С. 268].

На современном этапе развития отечественной цивилистики категорию «добросовестность» предлагается рассматривать в объективном и субъективном смысле. Добросовестность в объективном смысле предполагает определение общего так называемого внешнего стандарта оценки поведения субъектов правоотношений, выход за пределы которого должен четко определять, что наступает недобросовестность. Добросовестность в субъективном смысле предполагает внутреннее отношение лица к своему поведению [1. – С. 32–40]. М. М. Агарков в объективном смысле

добросовестность предлагает рассматривать как некую модель поведения, сформированную между субъектами гражданских правоотношений. При этом субъективный смысл рассматриваемой категории он понимает несколько иначе: как отсутствие у субъекта осведомленности об условиях, которые бы запрещали реализацию той или иной модели поведения [2. – С. 426–429].

В отличие от добросовестности разумность поведения участников правоотношений в научной доктрине считается более объективной характеристикой, которая определяет морально-нравственные качества опосредованно, т. е. через соотношение поведения субъекта права с возможным поведением здравомыслящего человека [6. – С. 103].

Одним из самых острых вопросов, касающихся категории добросовестности, является необходимость определения ее дефиниции. Считаем в данной связи уместным согласиться с научной точкой зрения, суть которой заключается в отрицании не просто возможности формулирования общей дефиниции данного понятия, но и в ее целесообразности. Так, рассматривая категорию добросовестности, К. И. Скловский указал, что добрая совесть, имеющая не всегда совпадающее значение и функции, не может быть исчерпывающим образом определена даже доктринально, а тем более легально. Добрая совесть употребляется в самых разных смыслах, более или менее широких, и далеко не всегда имеет значение, влекущее непосредственные юридико-технические следствия [13. – С. 79].

В общетеоретическом смысле добросовестность рассматривается как одна из основополагающих идей российского права, которая сочетает в себе этические, моральные, эстетические и иные аспекты исходя из российской правовой культуры. Универсальность категории добросовестность в различных отраслях права обусловлена конкретизацией данной идеи в различных нормах права, где она получает реализацию посредством применения различных методов и инструментов, трансформируясь в принцип права, основополагающее начало, презумпцию и т. д.

Следует отметить, что применительно к отдельным институтам законодатель самостоятельно определяет критерии добросовестности.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним

местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30277.pdf>

Так, например, законодатель раскрыл понятие добросовестности через определение недобросовестной конкуренции¹.

Несмотря на довольно многочисленные формулировки рассматриваемых правовых категорий, следует признать, что они носят оценочный характер², а соответственно их содержание может определяться правоприменителем по-разному. В этой связи немаловажное значение для определения поведения того или иного субъекта недобросовестным или неразумным имеет Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»³. В соответствии с названным документом под добросовестностью и разумностью действий директора юридического лица при исполнении возложенных на него функций суд понимает принятие им «...необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством».

Заслуживают внимания пункты 2 и 3 Постановления, устанавливающие типовые стандарты корпоративного поведения, при которых действия (бездействия) директора априори признаются недобросовестными или неразумными.

Принимая во внимание персональную ответственность директора в перечисленных в Постановлении случаях признания действий или бездействий о привлечении к ответственности лиц, входящих в исполнительные органы хозяйственных обществ, недобросовестными или неразумными, неудивительно, что в судебной практике увеличилось количество соответствующих дел. При этом суды,

руководствуясь рассматриваемым Постановлением и неверно истолковывая ряд его положений, тщательно анализировали экономическую целесообразность принятых органом управления решений. Одним из таких примеров является Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, в котором суд задается вопросами о проявлении разумности и хозяйственной ценности действий субъекта, заключившего договор аренды помещения, притом что у него есть неиспользуемые площади⁴. В данном случае уместно привести мнение И. А. Покровского об использовании в нормах права оценочных категорий. По мнению ученого, включение таких норм в законодательство не является решением проблемы, а следует рассматривать как уклонение от ее разрешения на законодательном уровне и перекладывание на правоприменителя. Вместе с тем, как справедливо указывает автор, конкретное судебное решение, каким бы удачным оно ни оказалось, не будет иметь того авторитета, каким обладает норма закона [12. – С. 103–104]. Вместе с тем, как справедливо отмечает О. В. Гутников, понимание вины в корпоративных отношениях при нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица отличается некоторой спецификой. Оценивая действия того или иного лица на предмет их соответствия принципам добросовестности и разумности, суд должен учитывать также правило бизнес-решения (business judgement rule) [17. – Р. 1301–1304; 18. – Р. 457–458], суть которого заключается в том, что суды не могут оценивать уже принятые решения на предмет их экономической целесообразности [1. – С. 32–40]. За должностным лицом признается право на непреднамеренное принятие решения, которое экономически невыгодно для юридического лица в условиях обычного предпринимательского риска.

¹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 24 апреля 2020 г.) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступившими в силу с 1 июля 2020 г.), определяя понятие «добросовестность» через понятие «недобросовестная конкуренция», устанавливает, что это любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

² По мнению М. Ф. Лукьяненко, одной из отличительных особенностей оценочного понятия является его изменчивость и непостоянство, его содержание варьируется с учетом конкретной ситуации [11. – С. 38].

³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». – URL: КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 февраля 2014 г. по делу № А53-6823/2013 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/721dhtsiyaw4/>

Не могут быть признанными недобросовестными или неразумными решения привлекаемого к ответственности лица, если при принятии даже убыточного решения оно соблюдало необходимую степень заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась по характеру оборота в условиях обычного предпринимательского риска [7. – С. 132–141; 15. – С. 159–178].

В результате в 2015 г. Верховный Суд Российской Федерации пояснил, что негативные последствия для юридического лица, наступившие в результате принятия бизнес-решения, сами по себе не являются доказательством недобросовестного или неразумного поведения директора, поскольку возможность их наступления во многом обусловлена рискованым характером предпринимательской деятельности¹.

Такой подход заслуживает поддержки, поскольку еще в 2004 г. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что основная задача осуществляемого судебного контроля состоит в обеспечении защиты прав и законных интересов акционеров, но никак не в оценке экономической целесообразности принимаемых уполномоченными лицами решений². Действительно, в ходе осуществления судебного контроля суды не должны заниматься оценкой экономической целесообразности принятия тех или иных бизнес-решений. Таким образом, один из признаков предпринимательской деятельности – ее рискованый характер – обосновывает специфику применения положений о реализации принципов добросовестности и разумности в контексте предпринимательских отношений.

Стоит отметить, что в научной доктрине вопросам соотношения реализации принципов добросовестного и разумного поведения участников гражданских, в том числе корпоративных правоотношений с предпринимательским риском, уделено достаточно много внимания. Преимущественно исследователи в своих выводах ссылаются на перспективный опыт зарубежных стран, в первую оче-

редь – Великобритании. Именно в Великобритании, по утверждению Ю. В. Брисова, первые прообразы корпоративных структур появились еще в Средние века. Поэтому неудивительно, что за весьма продолжительный период развития корпоративного права в Великобритании накопился богатый опыт разрешения корпоративных конфликтов [4 – С. 174–184]. В Англии сформировался так называемый стандарт поведения директоров (standard of behavior), который определяет принимаемые уполномоченными субъектами действия в рамках разумного предпринимательского риска. В англоязычной доктрине подчеркивается, что принимаемые решения, всегда основаны на риске, в связи с чем существуют трудности в определении надлежащих стандартов поведения директоров. Неудивительно, что для судов представляет особую сложность на момент рассмотрения дела оценить экономическое обоснование принятия решения [16].

Особый интерес представляют английские нормы Закона о компаниях 2006 г. В соответствии со статьей 174 названного акта директорам вменяется в обязанность проявлять разумную заботливость, умение и усердие. При этом статья 174(2) названного закона дает детальное разъяснение положений статьи 174, ставя проявление разумной заботливости, умения и усердия уполномоченного лица в зависимость от личных качеств субъекта. Он, как предполагается, должен обладать знаниями и умениями, которые разумно ожидать от лица, осуществляющего функции директора по отношению к компании. Кроме того, проявление разумной заботливости анализируется в совокупности с навыками и умениями, которыми обладает лицо, назначенное директором³.

В США стандарт осмотрительности применяется преимущественно в банковском секторе экономики, при совершении сделок о слиянии или поглощении компаний, а также при приобретении крупного пакета акций публичных компаний. Стоит отметить, что обозначенные стандарты осмотрительности до-

¹ См.: пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. N 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Феде-

рального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании "Кадет Истеблишмент" и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 9. – Ст. 830.

³ Companies Act 2006. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/174>

вольно подробно прописаны соответствующими регуляторами, которые на основе обобщенной практики разрабатывают стандарты для субъектов предпринимательской деятельности.

В отличие от стран общего права отечественные суды при принятии решений руководствуются нормой закона и принимают во внимание разъяснения высших судебных органов. Однако было бы целесообразно, используя положительный зарубежный опыт, разработать определенные стандарты добросовестного и разумного поведения. Применение таких стандартов будет своеобразным ориентиром для субъектов предпринимательской деятельности при принятии экономически обоснованных решений, что оградит уполномоченных лиц от избыточной ответственности и расширит возможности принимаемых ими решений.

Вместе с тем, на наш взгляд, заслуживает внимания опыт стран общего права, где в первую очередь судебные органы ориентированы на субъективные критерии уполномоченного лица принимать решения. Представляется, что и отечественный правоприменитель при применении норм о принципах добросовестности и разумности при принятии решений должен исходить из фактических возможностей среднестатистического предпринимателя, оценивая опыт, знания и навыки, при этом не предъявляя к нему избыточных требований для соответствия стандарту поведения. Следовательно, о недобросовестном или явно неразумном поведении принявшего решение лица будет свидетельствовать очевидное пренебрежение своими обязанностями.

В совокупности такой подход позволит одновременно учитывать объективные признаки разумного предпринимательского риска, которыми руководствуются отечественные суды при разрешении конкретных дел, а также субъективные признаки, которые опосредуют стандарты поведения уполномоченных на принятие решений менеджеров в странах общего права.

Заслуживает также внимания еще одна проблема, на которую уже было обращено внимание в отечественной доктрине. Речь идет о нелогичной формулировке пункта 1 статьи 10 ГК РФ, в со-

ответствии с которой не допускается заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Очевидно, что в изложенном виде норма «злоупотребление правом» подразумевает наличие при таком поведении умысла. Следовательно, в тех случаях, когда доказать наличие умысла не удалось, либо в отсутствие умысла, лицо не может быть ограничено в праве. Безусловно, следует понимать, что используемая в статье 10 ГК РФ формулировка противоречит сущности самого принципа добросовестности. Как неоднократно указывалось в доктрине, злоупотреблением права следует считать всякое недобросовестное поведение, иными словами, – это любое поведение, которое не соответствует принципу добросовестного и разумного поведения¹. Стоит отметить, что суды в целом нашли правильный подход к пункту 1 статьи 10 ГК РФ.

Таким образом, отечественный законодатель не только внедрил в российское законодательство принцип добросовестного и разумного поведения субъектов права, но и разработал некоторые основанные на нем институты. Безусловно, простого закрепления данного принципа на уровне закона недостаточно, а принимая во внимание неудачность используемых формулировок, необходима комплексная доктринальная проработка, в том числе в контексте его реализации в иных правилах поведения.

Не умаляя значимости законодательного закрепления принципов добросовестности и разумности, суды могут напрямую обращаться к ним только в тех случаях, когда выявлена невозможность принятия решения путем толкования и применения существующих законодательных норм.

Синергетический характер категорий добросовестности и разумности обуславливает специфику его реализации в предпринимательских (корпоративных) отношениях. Рисковый характер предпринимательской деятельности предполагает определенный прагматизм в содержании принципов добросовестного и разумного поведения, что исключает их наполнение общечеловеческими ценностями. В противном случае это может привести к сдерживанию деловой активности.

¹ В связи с этим в литературе не зря отмечалось, что запрет злоупотребления правом не является достаточно обоснованным в теоретическом и практическом аспектах, поэтому

целесообразным является его замена положением, закрепляющим требование соответствия поведения принципу добросовестности [3. – 10–11].

Список литературы

1. *Абакумова Е. Б.* Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. – 2020. № 4. – С. 32–40.
2. *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в современном гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 426–429.
3. *Бекназар-Юзбашев Г. Т.* Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии. – М., 2010.
4. *Брисов Ю. В.* Ответственность исполнительного органа юридического лица за недобросовестные действия // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9. – С. 174–184.
5. *Дозорцев В. А.* Недобросовестная конкуренция или несправедливая? // Юридический мир. – 1997. – № 4. – С. 29–33.
6. *Емельянов В. И.* Понятие «разумность» в гражданском праве России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 10. – С. 102–105.
7. *Ключарева Е. М.* Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. – 2015. – № 11. – С. 132–141.
8. *Кодолов В. А., Бармина О. Н.* К вопросу о структуре злоупотреблений правом // Российская юстиция. – 2014. – № 2. – С. 60–62.
9. *Комиссаров А. В., Могилевский Г. А.* Принцип добросовестности в деятельности органов военного управления при реализации социальных гарантий военнослужащих и членов их семей // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2. – С. 268–270.
10. *Коновалов А. В.* Еще раз к вопросу о понятии добросовестности // Российский судья. – 2018. – № 1. – С. 15–21.
11. *Лукьяненко М. Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, ответственность. – М.: Статут, 2010.
12. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – С. 103–104.
13. *Скловский К. И.* Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. – № 9.
14. *Сморгунова В. Ю.* Доверие: новые смыслы для нового гражданско-правового состояния // История государства и права. – 2008. – № 7. – С. 3–7.
15. *Цепов Г. В.* Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. – 2015. – № 12. – С. 159–178.
16. *Janet D.* Company law. – Hampshire : Palgrave, 2001.
17. *Palm C. W., Kearney M. A.* A Primer on the Basics of Directors' Duties in Delaware: the Rules of the Game (Part I) // Villanova Law Review. – 1995. – Vol. 40. – P. 1301–1304.
18. *Peeples R. A.* The Use and Misuse of the Business Judgement Rule in the Close Corporation // Notre Dame Law Review. – 1984–1985. – Vol. 60. – P. 457–458.